

В Восточном дворце выражение лица Цай Янь становилось то хмурым, то ясным. Фэн До рядом произнес:

— Ваше Высочество, это прекрасно. Он сам решил расстаться с жизнью. Наш план, вероятно, пройдет гораздо более гладко, чем мы ожидали.

Цай Янь спросил:

— Как обстоят дела в Е?

— Нравы там дикие, — сказал Фэн До. — Кругом кишат бандиты и часто грабят и убивают караваны с людьми. Он решил не брать с собой ни одного солдата и положиться только на У Ду. Слишком самонадеянно.

Цай Янь долго размышлял над этим, но так ничего и не сказал.

Вскоре Фэн До снова заговорил.

— Когда они придут на место, У Ду будет слишком занят, чтобы постоянно находиться рядом с ним. Если ему будет нужно уладить дела в Е, ему придется посылать У Ду — убивать или обучать войска, пока У Ду нет рядом, мы можем использовать этот шанс, чтобы убить его. Когда придет время, мы сможем свалить все на местных бандитов, так что мы будем ни при чем.

Цай Янь после паузы спросил:

— Если он умрет, Е захватят монголы?

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество. Судя по тому, как обстоят дела в трех городах Хэбэя, даже если он умрет на севере, мало что изменится. В худшем случае правительство может просто послать кого-то другого.

Цай Янь некоторое время размышлял над этим, прежде чем сказать:

— Давай сначала дадим ему возможность во всем разобраться. Я хочу посмотреть, на что он способен.

Поняв его намерения, Фэн До сказал:

— Тогда давайте подождем до начала зимы и пошлем Теневую стражу. В таком случае, как только он закончит то, что собирается сделать этой осенью, мы убьем его.

Цай Янь некоторое время сидел, погрузившись в раздумья, а потом произнес:

— Так не пойдет. Лучше убить его как можно скорее.

Фэн До затих, чтобы подумать.

— Тогда давайте просто отправим Теневую стражу сейчас.

— Подожди, — вздохнул Цай Янь, глубоко нахмутив брови, и в его голосе прозвучало раздражение. — Ты хочешь сказать, что сейчас из всего императорского двора нет никого, кого мы могли бы использовать?

Фэн До не ответил ему и просто спокойно ждал, пока Цай Янь отдаст ему приказ.

— Отправь Теневую Стражу. А дальше действуй по обстоятельствам. Скорее всего, Улохоу Му нам не понадобится.

— Он нам не понадобится, — сказал Фэн До. — В Е сейчас очень опасно. Беженцы сформировали банды и заняли горы, присвоив себе эту землю, а У Ду не будет успевать следить за всем, поэтому он точно не сможет присматривать за Ван Шанем. Остается только подкупить пару человек из городской стражи и попросить их постоянно сообщать о его местонахождении. Избавиться от него будет очень просто. Если мы не сможем убить его в городе, то просто передадим информацию монголам, и они избавятся от него за нас.

— Нет, нет, нет, — сказал Цай Янь. — Мы не должны допустить, чтобы он попал в руки монголов.

Фэн До осталось только ответить:

— Слушаюсь.

— Сделай это.

По мнению Цай Яня, убить Дуань Лина теперь было проще простого. В самом конце он снова вспомнил.

— Избавься и от У Ду. Убедись, что они оба мертвы.

Фэн До поклонился и вышел из комнаты.

Цай Янь недоумевал, почему так происходит, но с тех пор, как он снова увидел Дуань Лина, в

его сердце зародился страх, о котором он давно позабыл. Он должен устранить Дуань Лина как можно скорее — иначе, если пройдет достаточно времени, он станет все более и более важным, и избавиться от него будет уже невозможно.

На дворе уже стояла поздняя ночь, перевалило за вторую половину пятой ночной стражи, и владелец «Лучшей лапши в мире» собирался закрывать заведение. У Дуань Лина голова шла кругом; он тихонько подумывал про себя, как удачно, что он именно сегодня пришел на встречу с Хуан Цзянем и остальными — иначе он бы упустил так много деталей, и что-нибудь обязательно пошло бы не так.

— Тогда что мне делать с назначением служащих? — спросил Дуань Лин.

— Предоставь это управляющему по трудовым вопросам, — сказал Хуан Цзянь. — Делегируй все, что можно делегировать. Иначе ты будешь работать в одиночку, а ты всего лишь человек. Ты никак не сможешь заботиться обо всем.

— Да.

Дуань Лин понял, что распознавание талантов и моральных качеств людей — это сложная наука. Если он продолжит работать так же, как в Тунгуань, то может просто измотать себя до смерти, прежде чем разберется с Е.

Цинь Сюйгуан добавил:

— Тебе нужно будет хорошо с ними обращаться. Главное, чтобы эти люди были тебе верны. Как говорится, рыба не живет в слишком чистой воде, а друзья не остаются в тщательно выверенном дворе. Если речь идет о таких вещах, как растраты и взятки, то, пока они не расшатывают устои, просто закрывай на них глаза и забудь об этом.

Дуань Лин знал, что Цинь Сюйгуан вовсе не собирался что-то скрывать от него, раз говорил так прямо — в конце концов, в будущем они будут равными при дворе, и если Дуань Лин захочет это учесть и когда-нибудь предъявит ему обвинение, Цинь Сюйгуану придется иметь дело с последствиями своих слов. Но поскольку Дуань Лин рассказал им о заимствовании зерна у Ляо, потому что доверял им, Цинь Сюйгуан тоже с радостью рассказал ему все это в ответ. Это доверие заставило Дуань Лина чувствовать себя прекрасно.

— Они закрываются на ночь, — сказал Дуань Лин. — Давайте закончим на сегодня. Все, кто собирается в будущем переезжать на места подальше от столицы или поступать в Академию Ханьлинь, заглядывайте ко мне, если представится такая возможность.

Хуан Цзянь сказал:

— Ты обязательно вернешься через год. Пока все идет в правильном направлении, такого талантливого человека, как ты, ни за что не оставят в Е на всю жизнь.

Все посмеялись и по очереди попрощались друг с другом, обещая поддерживать связь по почте. Дуань Лин догадывался, что ему еще не раз придется обращаться за помощью по многим вопросам. Для Хуан Цзяня и остальных отправка Дуань Лина в Е — это хорошо. В конце концов, они будут при дворе. Тем временем, если он увидит, что его карьера в Е растет, они смогут присматривать друг за другом — если, конечно, не станут в итоге беспринципными сторонниками разных фракций.

Но когда Дуань Лин спускался по лестнице, он застал У Ду и Чжэн Янь сидящими друг напротив друга и выпивающими.

— Что вы здесь делаете? — спросил Дуань Лин.

— Завтра у меня, наверное, не будет времени, поэтому я решил прийти сюда, чтобы проводить вас двоих.

Как только Хуан Цзянь и остальные сообщили Дуань Лину о своем уходе, он, У Ду и Чжэн Янь остались одни. У Ду вел лошадь за поводья, ступая рядом с ними, а Чжэн Янь похлопывал Бэнь Сяо. Он сказал У Ду:

— Я слышал, как говорили, что завтра будет передана должность коменданта Хэцзяня.

У Ду кивнул и, погружившись в раздумья, ничего не произнес. Тогда Чжэн Янь бросил взгляд на Дуань Лина.

— То, что ты сегодня вызвался поехать в такую даль, превзошло все мои ожидания.

Дуань Лин и Чжэн Янь стояли друг напротив друга, и у Дуань Лина возникло неясное предчувствие, что он о чем-то догадался. Однако У Ду, конечно, не стал бы говорить ему правду — даже если ему и придется рассказать, то это должен будет сделать только Дуань Лин.

— Тебе не нравится наследный принц? — спросил Чжэн Янь.

— Господин Чжэн, — с улыбкой ответил Дуань Лин, — даже если это правда, неужели вы думаете, что я вам скажу? Только не вздумайте устраивать мне ловушки.

Чжэн Янь тоже улыбался; он знал, что Дуань Лин уже высказал свою четкую позицию, и прищурился.

— У меня есть для тебя письмо, написанное от руки, — сказал Чжэн Янь Дуань Лину. — Если

после прибытия в Е у тебя возникнут проблемы, вместе с этим письмом ты можешь отправить в Хуайин просьбу о помощи Хуайинхоу Яо. Он придет к тебе на помощь от моего имени.

Дуань Лин взял у него письмо.

— Спасибо.

— Это Его Величество попросил меня об этом, — сказал Чжэн Янь. — На севере опасно. Будьте вдвойне осторожны.

Чжэн Янь перекинул ногу через спину лошади и, тряхнув поводьями, уехал.

После отъезда Чжэн Яня Дуань Лин спросил У Ду:

— Почему он вдруг спросил о псе Цае?

— В ту ночь он тоже слышал об этом, — ответил У Ду. — У него уже были подозрения относительно наследного принца. Или, правильнее сказать... он всегда подозревал.

Наступила уже вторая половина ночи, и они вдвоем прошли через тихий переулочек. Лунный свет лился на землю, покрывая ее мерцающим серебром, а воздух пятого месяца был свеж и приятен.

— Мы должны увидеться с канцлером Му, когда вернемся, — сказал У Ду.

От одной мысли об этом у Дуань Лина разболелась голова. Им так редко удавалось побыть в тишине, что он мечтал, чтобы они никогда не дошли до конца переулочка. Взяв У Ду за руку, он медленно шел по дорожке, как будто в мире остались только они вдвоем.

— То, что ты сказал сегодня в императорском кабинете... Это правда? — спросил У Ду.

— Что правда? — Дуань Лин уже не помнил, что он сказал, и на мгновение задумался, вспоминая сомнения Се Ю относительно способностей У Ду. — О, да, это правда.

Он повернулся и посмотрел на У Ду. Он был одет в черный халат мастера боевых искусств и держал поводья Бэнь Сяо.

— Иногда я думаю, что... если бы ты облачился в полный доспех, — смеясь, произнес Дуань Лин, — то получился бы такой прекрасный образ героического генерала.

У Ду опустил голову и приник губами к губам Дуань Лина. Когда они отстранились друг от

друга, У Ду пытливо заглянул ему в глаза с обеспокоенным выражением, которое никак не могло сойти с его лица.

— На этот раз, — сказал У Ду, — тебе придется убивать. Ты будешь вынужден лишать жизни многих людей, убивать тех, кто выступит против тебя, и тех, кто захочет тебе навредить. Если ты хочешь возглавлять войска, тебе придется убивать тех, кто нарушает закон. Возможно, даже придется убивать богатых и отбирать их деньги, чтобы раздать простолюдинам.

— Я знаю, — печально произнес Дуань Лин.

— На улицах может пролиться кровь. Ты добрый человек по натуре — боюсь, ты не сможешь принимать такие решения.

— Этого не случится, — вздохнул Дуань Лин. — Я видел слишком много смертей.

— Я убью за тебя. Не бойся. Но я должен сказать тебе кое-что заранее: если кто-то должен быть убит, ты не должен его щадить. Иначе они принесут тебе одни неприятности.

— Конечно, — кивнул Дуань Лин. — Обещаю.

У Ду кивнул в ответ, и только тогда Дуань Лин задумался, что внезапно встретил другого У Ду, совсем не похожего на того, которого он знал. Он помнил, что У Ду тоже умел убивать. Просто, когда в этом не было необходимости, он редко наносил смертельный удар.

Может быть, на этот раз У Ду даст волю и будет убивать по своему усмотрению. Дуань Лин почувствовал легкое беспокойство, но был недалек тот день, когда это случится. Они отправляются в незнакомое место, поэтому, чтобы быстро установить централизованную власть, он должен продемонстрировать железный кулак.

Он все еще размышлял об этом, прежде чем они добрались до конца переулочка. Снаружи их ждал управляющий и сказал Дуань Лину:

— Молодой господин Ван, хозяин ждет вас в кабинете. Пожалуйста, отправляйтесь к нему как можно скорее.

— Как долго он ждет? — спросил Дуань Лин.

— Уже почти два часа.

Близилась полночь, и Дуань Лин и У Ду поспешили на последнюю в этот день встречу.

На столе лежали два свернутых приказа о назначении, а за ними сидело двое мужчин. Несмотря на то, что уже была глубокая ночь, все выглядели довольно энергичными, обсуждая детали управления Е. Когда Дуань Лин зашел, он извинился перед Му Куандой за то, что заставил его ждать, но тот отмахнулся и сказал, что все в порядке.

— Ходил пообщаться со своим шисюном? — спросил Му Куанда.

— Да, — Дуань Лин понимал, что, чем бы он ни занимался, он не смог бы скрыть это от Му Куанды.

— Тебе еще есть чему поучиться у Хуан Цзяня, когда речь идет об управлении, — Му Куанда представил Дуань Лину мужчин. — Это господин Линь.

Одного из мужчин, сидящих за столом, звали Линь Юньци. Он и Дуань Лин обменялись вежливыми приветствиями, и Му Куанда сказал:

— Господин Линь раньше работал на эмиссара по соли и железу Жэнь Бишэна, господина Жэня, и занимался вопросами оценки результатов. Уверен, он сможет тебе помочь.

Дуань Лин поспешно поблагодарил Линь Юньци, а затем Му Куанда представил еще одного человека. Это был военный. Он поклонился в сторону Дуань Лина, и Му Куанда произнес:

— Его зовут Ван Чжэн, он тоже Ван, как и ты. Был войсковым уполномоченным по осуществлению контроля за армией при покойном императоре, остался в Сычуани после разоружения Северного командования и приехал в Цзянчжоу, когда столица была перенесена. Се Ю рекомендовал его мне, поэтому я уверен, что он честный человек.

Один отвечал за повышения, другой — за наказания; Дуань Лин знал, что люди Му Куанды обязательно будут трудиться рядом с ним, и Му Куанда будет иметь решающее слово, кого использовать, а кого наказывать, иначе он не будет спокоен. Кроме того, он опасался, что Дуань Лин может обзавестись собственными связями в Е, и когда его влияние возрастет слишком сильно, его будет невозможно контролировать.

Дуань Лин обменялся парой любезностей, после чего Му Куанда сказал Линю и Вану:

— Уже поздно, так что вам двоим лучше немного отдохнуть. В будущем у вас будет много времени, чтобы обсудить все с губернатором.

Линь Юньци и Ван Чжэн удалились, а Му Куанда продолжил:

— Закрой дверь и давай поговорим.

Дуань Лин улыбнулся и встал, чтобы закрыть дверь. Теперь в комнате остались только Му Куанда, У Ду и он сам.

В тишине Му Куанда начал:

— Ты первый, ученик.

Дуань Лин чувствовал себя довольно напряженно на этой встрече — он знал, что у Му Куанды наверняка найдется много возражений по поводу его действий.

— Я хочу позаимствовать зерно у киданей, — рассказал Дуань Лин о своих планах.

После того как Му Куанда закончил слушать, он произнес:

— Фэй Хундэ действительно на стороне Елюй Цзунчжэня, как ты и предполагал. Этот план вполне осуществим.

Дуань Лин согласно кивнул, а затем подробно рассказал Му Куанде о тех идеях, которые ему предложил Хуан Цзянь, а также о тех, которые он придумал сам.

Наконец Му Куанда сказал:

— Здесь нет никаких проблем. Твои планы очень хорошо продуманы. Есть ли еще что-нибудь, о чем ты хочешь мне рассказать?

Дуань Лин знал, какой вопрос задаст Му Куанда — почему он вызвался отправиться в Е?

— Больше ничего, — произнес Дуань Лин.

— Ты — новый Таньхуа, — как и ожидалось, сказал Му Куанда. — Почему ты хочешь отправиться в Е? Почему не обсудил это со мной заранее?

Му Куанда говорил это медленно и спокойно, но Дуань Лин знал, что если он оступится и скажет что-то не то, то усилит его бдительность. По правде говоря, у Му Куанды уже были подозрения на его счет — ведь он не обдумал все заранее и не посоветовался с ним по поводу такого важного решения.

— Это я попросил Ван Шаня об этом, — неожиданно вмешался У Ду.

— Нет, — сказал Дуань Лин, — это я придумал.

Он подал знак У Ду не брать вину на себя и обратился к Му Куанде:

— Я хотел... провести больше времени с ним.

Му Куанда предвидел множество разных ответов от своего ученика, но никогда не думал, что полученное им объяснение окажется таким простым.

Му Куанда сразу же потерялся в словах, а когда он посмотрел на Дуань Лина, в его взгляде вспыхнул гнев.

— Почему ты такой упрямый? — спросил Му Куанда.

Чувствуя себя как на иголках, Дуань Лин снова затих.

— Однажды ты погубишь себя из-за своих порывов.

Дуань Лин по-прежнему молчал.

У Ду тоже хранил молчание. Му Куанде вдруг стало до крайности смешно — что это вообще такое? Ученик, который, по его мнению, сможет добиться в жизни наибольших успехов, был влюблен в мужчину, причем настолько, что готов был отбросить свое будущее; это еще и выглядело так, словно Му Куанда пытался разлучить влюбленных. Такая нелепая причина, но в сочетании с тем, как Дуань Лин вел себя во время их встречи до этого, Му Куанде осталось только поверить ему.

— Значит, вы двое собираетесь сбежать*? — добавил Му Куанда. — А вы вообще вернетесь, господин Таньхуа?

* Здесь Му Куанда использует выражение «сбежать с возлюбленным» (□□). Например, когда родители не поддерживают отношения влюбленных.

Дуань Лин продолжил кивать:

— Вернусь.

Му Куанда вдруг впал в ярость и прокричал:

— Ван Шань! Что вообще взбрело в твою голову?!

Му Куанда окончательно вышел из себя, он так разозлился, что смахнул со стола все письма и швырнул их в голову Дуань Лина. Тот тут же опустился на одно колено, не смея оправдываться.

У Ду собирался что-то сказать, но тут Дуань Лин обернулся и посмотрел на него, подмигнув.

— У Ду, на улицу, — холодно бросил Му Куанда.

Дуань Лин собрал все письма и аккуратно сложил их на столе.

Му Куанда сделал глоток чая и нарушил молчание.

— Ван Шань, тебе лучше послушать.

— Да, — ответил Дуань Лин.

— Ты уже вырос, и теперь у тебя хватает смелости идти наперекор мне, да? Я хотел, чтобы У Ду присоединился к Восточному дворцу, а ты пошел и провернул свой маленький трюк, чтобы сбежать с ним?

— Это вовсе не было моим намерением. Я просто... хотел провести с ним больше времени. Учитель, это мое сердечное желание, единственное, которое у меня было за всю мою жизнь.

Глядя на Дуань Лина, Му Куанда понял, что действительно не может его понять. Дрожащим голосом Дуань Лин промолвил:

— Учитель, пожалуйста, просто позвольте мне это сделать. Что бы вы ни хотели, чтобы я сделал для вас в будущем, пройти сквозь огонь и воду, да хоть взобраться на гору мечей, я... я сделаю все.

После всего того, что Дуань Лин заставил его пережить сегодня, Му Куанда уже не знал, что и делать.

— Чтобы жить в этом мире, — сказал ему Му Куанда со всей серьезностью, — нужно научиться жить, не получая всего, чего хочешь. Луна растет и убывает, часто прячется за облаками; у людей бывают радости и печали, расставания и воссоединения, редко все бывает идеально, разве ты не понимаешь?*

* Он процитировал Су Ши (Су Дунпо), но, похоже, поменял местами строки о луне и людях.

Дуань Лин неподвижно стоял на коленях за столом.

— Что это за больная одержимость у вас двоих? — понизил голос Му Куанда. — Ты не можешь жить без У Ду? Он хорош в постели? Похоть ослепляет рассудок, разве ты не понимаешь? Неважно, разумно ли покидать столицу ради Е, но вот почему ты открыто настраиваешь себя против меня? Или это У Ду принудил тебя?

— Он не делал этого. Это была моя собственная идея. Другие чиновники наверняка считают, что мое предложение занять должность за пределами столицы было вашим желанием... И, если я смогу отвоевать Е... Это, несомненно, принесет большую пользу Великой Чэнь... и не повлечет за собой никаких неудобств.

— Неважно.

Му Куанда чувствовал себя измотанным как физически, так и морально — после всех этих разговоров выяснилось, что его ученик собирается сбежать с убийцей. Он вздохнул.

— Когда я был маленьким, у меня тоже была мысль — жениться на своей единственной и неповторимой. Пройдет пару лет, и у тебя больше не будет тяги к тому, чтобы навсегда остаться с одним человеком. К следующему году ты оглянешься на себя сегодняшнего и поймешь, насколько ты был смешон.

Дуань Лин чувствовал себя ошеломленным, но в то же время понимал, что добился успеха. Му Куанда принял это, казалось бы, абсурдное, но вполне логичное объяснение.

— Как только доберешься до Е, — сказал Му Куанда, — будь вдвойне осторожен во всем. Каждое письмо, которое ты напишешь сюда и обратно, будет идти почти месяц, а далекой водой близкого огня не погасишь — я не смогу тебе помочь.

Дуань Лин вздохнул с облегчением.

— Спасибо, учитель.

— Я постараюсь найти способ перевести тебя сюда как можно скорее. Пожалей своего учителя, ладно? Кроме Хуан Цзяня, у меня сейчас нет никого, кого я мог бы использовать при дворе. Как только ты уедешь, тебя не будет как минимум год. Столько трудов было затрачено, чтобы обучить вас обоих, а в итоге ты работаешь вдали от столицы — это просто пустая трата хороших придворных талантов.

Дуань Лин кивнул.

Му Куанда добавил:

— Иди. Не болтай сейчас слишком много У Ду.

Честно говоря, с Му Куандой Дуань Лину было сложнее иметь дело, чем со всеми, кого ему приходилось видеть сегодня, вместе взятыми. Однако он знал, что в конце концов ему удалось справиться. После возвращения ему придется быть очень осторожным. В конце концов, он не мог продолжать действовать самостоятельно, не спрашивая разрешения.

Попрощавшись с Му Куандой, он застал У Ду за дверью. Дуань Лин улыбнулся ему в знак того, что ему удалось добиться желаемого.

— Я собираюсь навестить Му Цина. Завтра нам нужно будет уехать.

У Ду кивнул и пошел с ним. Му Цин уже спал; Дуань Лин отослал слуг, сам зашел в дом и лег на край кровати.

Снаружи уже кричали петухи, и небо постепенно светлело.

— Му Цин, — произнес Дуань Лин.

Му Цин в оцепенении перевернулся.

— А, это ты.

— Сегодня мне нужно отправляться в путь, — сказал Дуань Лин.

Му Цин хмыкнул в ответ и лег на живот, продолжив спать.

— Береги себя.

Му Цин снова стал похрапывать, явно не принимая близко к сердцу то, что говорил Дуань Лин. Но тот улыбнулся и встал, чтобы уйти.

К этому времени небо полностью посветлело, и Дуань Лин стоял во дворе; ночь, проведенная без сна, заставила его испытывать некоторое беспокойство. Сунь Тин уже встал и навел порядок во дворе, а У Ду зашел внутрь, чтобы собрать их вещи. Он сказал Дуань Лину:

— Иди, поспи немного. Они уже все подготовили и будут ждать нас у городских ворот в полдень.

Дуань Лин не мог больше бодрствовать и, рухнув на кровать, уснул раньше, чем это осознал. Последнее, что он услышал, это как Сунь Тин сказал У Ду:

— Что случилось с молодым господином?

У Ду ничего не ответил. Должно быть, он жестом попросил тишины, потому что все звуки снаружи словно утикли.

Дуань Лин погрузился в глубокий, темный сон и не знал, сколько времени он уже спит, когда почувствовал прикосновение чьей-то руки. Его окружала темнота, а губы У Ду были теплыми и мягкими, они поднесли воду к его рту; после долгих часов сна Дуань Лина мучила жажда, и он немного выпил. У Ду поднес к его рту еще, и он сделал глоток снова.

От воды язык У Ду все еще был прохладным на ощупь, и, словно желая подразнить, он снова проник в рот Дуань Лина, лоя кончик его языка. Только проснувшись и начав целоваться, Дуань Лин почувствовал, как между ног у него все затвердело, а дыхание стало все более учащенным. Полусонный, он потянулся, чтобы прикоснуться к У Ду.

Дуань Лин в какой-то момент лишился верхнего слоя одежды и остался в одном исподнем. Открыв глаза, он обнаружил, что кровать ужасно тряслась, а его окружал тусклый желтый свет, проникающий сквозь тканевую занавеску и окрашивающий маленькую комнату в теплый оранжевый цвет.

У Ду, одетый во все белое, обнял Дуань Лина, прижимая его к себе и целуя.

— Где мы? — Дуань Лин чувствовал, как его раскачивает взад-вперед.

— Ш-ш-ш... — уголок рта У Ду слегка изогнулся вверх. — Мы в карете.

Дуань Лин от удивления мгновенно проснулся. Они уже в пути? У него все время было такое чувство, будто он оставил так много незавершенных дел, а они уже уехали?!

— Ты был очень сонным, поэтому я не стал тебя будить и отнес в карету.

Дуань Лин пробормотал:

— Правда?

В карете стояла кушетка средних размеров, на которой с трудом мог спать даже один человек, и, когда двое обнялись, устроившись на ней, стало невыносимо тесно. Дуань Лин встал на колени и открыл шторы, чтобы выглянуть наружу; заходящее солнце светило так ярко, что он прищурился. Судя по всему, они уже добрались до дороги.

У Ду притянул Дуань Лина к себе, обхватил за талию и, прижав к кровати, продолжил осыпать поцелуями.

— Здесь больше никого нет, — прошептал У Ду, — и никто сюда не войдет.

Дуань Лин, разгоряченный его поцелуями, весь пылал от смущения, но У Ду не давал ему покоя, блуждая рукой по всему его телу. Их носы соприкасались, а губы и языки сливались в поцелуе.

В сердце Дуань Лина нахлынуло чувство новизны и возбуждения — этот момент наступил слишком быстро и слишком неожиданно.

Заходящее солнце заливало дорогу золотым светом, на дворе стоял летний день, заполняющий все солнечным сиянием, а обоз ехал по дороге, оставляя позади Цзянчжоу и направляясь на север.

В карете они оба тяжело дышали, а У Ду уже безжалостно снял с Дуань Лина всю оставшуюся одежду. Впервые с тех пор, как они признались друг другу в любви, он был полностью обнажен перед У Ду, и ему было невыносимо стыдно. Но У Ду, притянув его к себе, приподнялся и принялся целовать его соски, игриво касаясь их кончиком языка.

Щеки Дуань Лина пылали румянцем. Он стоял на коленях, сидя верхом на У Ду, и, приподняв рукой его подбородок, заставил того поднять взгляд. Они обменялись коротким поцелуем, после чего У Ду начал медленно покрывать поцелуями линию на груди Дуань Лина.

Годы занятий стрельбой из лука наградили Дуань Лина рельефными мускулами на плечах и спине и стройными мышцами на груди, а очертания нижней части живота стали еще более выраженными. У него была крепкая и изящная талия, по которой У Ду, целуя каждый изгиб его мускулатуры, медленно опускался губами вниз, пока не достиг линии паха.

— Не-не надо! — слегка воскликнул Дуань Лин, он так нервничал, что едва мог это выдержать. Когда У Ду лизнул тот самый чувствительный участок, всё его тело мгновенно окаменело.

У Ду засмеялся, и щеки Дуань Лина залил яркий румянец. Он был обнажен, а У Ду все еще одет в нижнее белье, что еще более усиливало его смущение.

— Ты собираешься раздеваться? — тихо выдохнул он, едва слышно.

У Ду с напускной серьезностью оглядел его с ног до головы. Дуань Лин был уже до крайности подавлен, и, посчитав это совершенно несправедливым, начал тянуть за короткую веревку, удерживающую рубашку У Ду.

У Ду, в свою очередь, проявил щедрость и, раздевшись догола, раздвинул ноги, чтобы наглядно продемонстрировать Дуань Лину эрегированный толстый член, выпирающий из его промежности.

— Мы уже как старые супруги. Чего тут стыдиться?

Дуань Лин затаил дыхание: каждый из них оценивал обнаженное тело друг друга. У У Ду были хорошо очерченные мышцы, пышущие силой и здоровьем, и его мужская красота мгновенно пробудила желание Дуань Лина.

— Нравится? — прошептал У Ду на ухо Дуань Лину. — Любишься сколько хочешь, маленький развратник. Ты целыми днями так и норовил прикоснуться ко мне, что я просто знал, что тебе нравятся мужчины.

Его член, мощный и внушительный, доставал до самого пупка. Дуань Лин прикоснулся к нему, но после легкого поглаживания ладонью У Ду испустил дрожащий вздох и, притянув его к себе, уложил на бок.

— Перевернись, — прошептал У Ду.

Дуань Лин послушался, позволив У Ду обнять себя сзади, и эта штука уперлась в его ягодицы, потирая по ним вверх и вниз. Ощущение того, что они прижимаются друг к другу обнаженными, и тепло кожи, сливающейся в нежном трении, мгновенно наполнило Дуань Лина чувством удовлетворения.

— Тебе нравится? — тихо произнес У Ду на ухо Дуань Лину.

— М... нравится, — он повернул голову, чтобы поцеловать У Ду, а рука тем временем потянулась к его талии и бёдрам.

У Ду обнимал его и терся об него еще некоторое время, прежде чем прошептать:

— Я вхожу.

— Ну давай, — сердце Дуань Лина продолжало колотиться. — А как?

У Ду развернулся на бок, достал из-под кушетки маленькую коробочку и открыл ее, показывая баночку со сладко пахнущим бальзамом. Дуань Лин понюхал его, после чего У Ду нанес немного мази на свой член и немного на анус Дуань Лина. Без лишних слов он прижался возбуждённой плотью к промежности Дуань Лина и начал медленно входить в него.

В этот момент они оба были напряжены до предела; когда Дуань Лин почувствовал, как эта вещь толкается внутрь него, первой мыслью стало: «А-а-а-а! Как больно! Больно, больно, больно!»

Ощущение насильственного вторжения вырвало у него почти крик, а дрожь не отпускала тело.

— Больно? — спросил У Ду. Дуань Лин лишь тяжело дышал, не отвечая, сдерживаясь.

Всё было совсем не так, как он себе представлял. Разве кому-то может такое нравиться? Но ради У Ду он готов был терпеть, хотя от этого не получал ни капли удовольствия.

У Ду замер, прижавшись грудью к его спине, и Дуань Лин ощутил, как яростно бьётся его сердце.

— Если больно, то не надо, — сказал У Ду.

Дуань Лин повернулся, чтобы сказать:

— Не... не больно.

— У тебя из глаз текут слезы, — с горечью произнес У Ду. — Забудь об этом.

— Нет, — сказал Дуань Лин. У него было такое чувство, что они что-то упустили, и, возможно, если они немного подождут, все будет в порядке. Поэтому он потянулся сзади, чтобы ухватиться за бедро У Ду и не дать ему отстраниться. Он снова повернулся, чтобы поцеловать его.

— Я люблю тебя, — улыбнулся Дуань Лин. — И я хочу сделать это с тобой... Я хочу, чтобы ты в меня вошел ...У Ду.

Дыхание У Ду сразу участилось, но он не смел пошевелиться, чтобы не причинить ему боль, поэтому просто оставался внутри, не двигаясь. Дуань Лин сделал глубокий вдох, чувствуя себя уже значительно лучше. Внезапная острая боль, которую он ощущал раньше, превратилась в волну за волной тупой боли от растяжения, и ее он был в силах терпеть.

— Давай... — прошептал Дуань Лин. — Войди еще немного.

У Ду сглотнул и слегка толкнулся, чтобы продолжить проникновение, и только тогда его толстый член наконец-то полностью вошел в него. В этот момент у Дуань Лина возникло странное ощущение, что он действительно чувствовал, как они сливаются в единое целое, плавно соединяясь.

— Тебе все еще больно? — тихо спросил У Ду.

— Больше... не болит.

Закрыв глаза, Дуань Лин пытался почувствовать, как внутри него пульсировало нечто большое.

Больно было только тогда, когда он начал входить в него, но как только он оказался глубоко внутри, Дуань Лин ощутил лишь приятную наполненность.

У Ду начал медленно входить и выходить, и Дуань Лин тут же вскрикнул:

— Ах!

Это прозвучало наполовину как стон, как бы непроизвольно, что сразу же вызвало взрыв у У Ду; он тяжело дышал, а его руки блуждали по груди Дуань Лина, щипая его соски и лаская пресс, пока он медленно входил в него. Его рука опустилась ниже, и когда он снова протолкнулся внутрь, то обхватил пальцами его член.

— А-а... — Дуань Лин стал стонать сильнее, и звуки вырывались непроизвольно, будто подчиняясь воле У Ду. Он сделал несколько мягких толчков, отчего волны нарастающего удовольствия начали растекаться по телу Дуань Лина, а когда У Ду проник в него еще глубже, казалось, что ему было так хорошо, что его собственный член начал набухать до эрекции.

— Ты затвердел, — удивленно произнес У Ду, и улыбка расплылась по его лицу. — Тебе настолько приятно?

— Это... — Дуань Лин не мог выразить это чувство словами и, с трудом сглотнув, сказал. — Это довольно... хорошо... немного... приятно.

— Правда? Тебе приятно? — он зажимал его член между пальцами, поглаживая его по головке, и, когда снова вонзился в него сзади, из члена Дуань Лина начала неконтролируемо вытекать смазка.

— Ах, ах ... — даже тон его возгласов сменился на задыхающийся; он чувствовал, как толчки У Ду становились все быстрее и быстрее, и когда он погрузился в него до упора, по всему телу Дуань Лина пробежала дрожь: наслаждение накапливалось внутри него, нарастая слой за слоем и доставляя ему все больше и больше удовольствия.

Он непроизвольно стонал и развернул голову, чтобы взглянуть на У Ду. Тот приподнялся, упираясь рукой в кушетку, и завел ноги Дуань Лина за талию, чтобы сесть между его широко раздвинутыми ногами и лицезреть обнаженное тело Дуань Лина, продолжая входить и выходить из него.

Лицо Дуань Лина покраснелось, они оба были полностью обнажены, и от того, что У Ду так смотрел на него, он чувствовал себя настолько неловко, что готов был умереть, но его сердце было охвачено наслаждением. Каждый раз, когда У Ду погружался в него до упора, он дрожал всем телом.

На щеках У Ду появился румянец, словно ему очень нравилось смотреть на Дуань Лина. Он

наклонился к нему и прижался губами к губам.

— Тебе нравится?

— Да, — задыхаясь, произнес Дуань Лин. — У Ду, поцелуй меня.

У Ду подарил ему долгий глубокий поцелуй. Когда их губы наконец разомкнулись, Дуань Лин, всё ещё глядя на его тело, ощутил, как тот продолжает ритмичные движения внутри него, и обнаружил, что эмоции настолько переполняли его, что он не мог больше сдерживать их, и внезапно разрыдался.

У Ду замер, а затем обнял его и спросил:

— Почему ты плачешь?

Дуань Лин хотел сдержаться, но ничего не мог с собой поделать. У Ду, прижавшись к нему всем телом, не переставал целовать его, в то время как его член ритмично скользил внутри, входя и выходя из сжимающегося ануса. Слезы катились по щекам Дуань Лина, а его стоны становились всё громче — говорить он уже не мог. Возбужденный его реакцией, У Ду потерял контроль над собой, словно зверь внутри него вырвался на свободу, он осыпал Дуань Лина поцелуями, продолжая безудержно вколачиваться в его тело.

Когда У Ду неистово бился и терся об него изнутри, удовольствие наконец вспыхнуло в теле Дуань Лина. У него возникло ощущение недержания, как будто он потерял контроль над собой, покалывание поднялось в его члене, который одновременно болел и набухал, и каким-то образом из него поток за потоком изверглась сперма. Даже после того, как прошло много времени и удовольствие улетучилось, его анус продолжал сжиматься.

У Ду с трудом выдохнул:

— Я... кончил.

Дуань Лин посмотрел на беспорядок перед собой и на У Ду с покрасневшими щеками. От них обоих исходил пленительный запах.

— Одевайся, — У Ду засмутился и помог Дуань Лину одеться.

Дуань Лин продолжал смотреть в пол, до смерти стесняясь, а У Ду, надев на него нижнюю одежду, стал одеваться сам. Никто из них ничего не говорил. У Ду протер тряпкой область промежности, а затем притянул Дуань Лина к себе одной рукой и вытер ему живот.

— Тебе все еще больно?

— Нет... больше не болит.

У Ду затих, размышляя.

— Я... я пойду наберу воды и помою тебя.

— Неважно. Давай займемся этим, когда доберемся до привала.

— Все равно мы уже почти у постоянного двора, — сказал У Ду. — Пойду-ка я осмотрюсь.

У Ду, казалось, совсем смутился, и когда он уже собрался уходить, ему что-то пришло в голову, и он обернулся, чтобы еще раз поцеловать Дуань Лина в губы. Затем он взял одеяло и накрыл его.

Дуань Лин изо всех сил старался не рассмеяться. Он открыл шторы кареты, чтобы выглянуть наружу, и увидел, как У Ду вышел из экипажа, они ненадолго остановились, но вскоре снова отправились в путь. Вдалеке виднелось несколько домов, а еще дальше — деревня. Они подъехали к постоянному двору.

В обозе были Сунь Тин, Янь Ди, Ван Чжэн, а также Линь Юньци и вся его семья со слугами. С ними также была пара человек, которые раньше работали с Ван Чжэном в армии, всего их было более двадцати, и это те, кого Му Куанда из кожи вон лез, чтобы уговорить отправиться на это задание. Всего в их караване было около сорока человек, за ними следовали еще шесть повозок и несколько лошадей.

Как только их группа направилась внутрь, постоянный двор сразу же превратился в оплот суматохи. После того как они предались страсти в карете, шея Дуань Лина все еще пылала алым цветом, а сам он выглядел запыхавшимся. Каждый, кто проходил мимо него, кланялся и называл его господином.

Дуань Лин чувствовал себя неловко и недоумевал, но тут же отвечал на эти жесты, продолжая направляться к постоянному двору. Заметив, что они несут вещи для подачи чая, он сказал им:

— Позвольте мне помочь.

С таким количеством людей обслуживающий персонал не мог справиться со всем сразу, поэтому Дуань Лин взял стопку пиалок и начал их раздавать. Когда он стал наливать воду, его подчиненные до смерти перепугались и поспешно сказали ему:

— Сядьте, господин! Я могу это сделать! Позвольте нам сделать это!

Дуань Лин уселся за ширму, но, услышав шум детей, выглянул из-за нее, чтобы посмотреть на них. Это были дети семьи Линь, мальчик и девочка, очень милые. Когда рядом были дети, становилось как-то оживленнее. Он не мог не думать о том, что если бы У Ду мог жениться, то, скорее всего, уже стал бы отцом.

Он поднял взгляд на У Ду, и, словно прочитав его мысли, У Ду на мгновение встретился с ним глазами, после чего отвел взгляд и отдал приказ людям Ван Чжэна отправиться на патрулирование.

Ван Чжэн не только был помощником губернатора, но и сопровождал армию в походах. Пусть он и не был мастером боевых искусств, но в военной стратегии разбирался отлично. Перед тем как отправиться проверять, как там еда на кухне, У Ду поручил ему организовать дозор вокруг лагеря, чтобы выяснить, нет ли каких-то проблем.

Некоторое время на постоялом дворе стоял шум, пока слуги не принесли каждому по миске лапши, после чего все затихли, так как были слишком заняты поглощением лапши. Янь Ди даже выпивал, и все время от времени присоединялись к разговору, но, поскольку они не знали, что из себя представляет Дуань Лин, они ходили вокруг него как по скорлупе.

У Ду сел рядом с Дуань Лином.

— Не так вкусно, как лапша из «Лучшей лапши в мире», так что придется довольствоваться тем, что есть. Перед отъездом я попросил у Чжэн Яня книгу рецептов. Как только доберемся до Е, как-нибудь решим этот вопрос.

Дуань Лин почувствовал себя очень тронутым. У Ду поторопил его, приказывая уже есть.

— Давай, ешь, ешь.

— Ты должен больше поесть, — Дуань Лин достал из своей миски немного лапши и положил ее в миску У Ду. — Ты устал?

У Ду что-то пришло в голову, и он чуть не расплескал еду по столу, прилагая столько усилий, чтобы удержать ее в себе, что его лицо покраснело. Но он не мог удержаться от смеха.

— Хочешь, чтобы я наелся до отвала, чтобы мог побольше работать, да? — У Ду пристально уставился на Дуань Лина, и его губы сошлись в лукавой улыбке.

Дуань Лин тут же смутился и попытался скрыть это, сделав глоток чая. Когда они сидели перед низким столиком, скрестив ноги, У Ду вытянул одну и небрежно положил ее на колени Дуань Лина. Тот попытался ее оттолкнуть, но У Ду просто поставил ее на прежнее место. После еще нескольких бесплодных попыток сместить его, Дуань Лину осталось лишь оставить все как есть.

Поужинав, Дуань Лин погрузился в раздумья, когда к нему подошел Линь Юньци.

— Господин губернатор, не хотите ли взглянуть на бухгалтерию?

Дуань Лин вспомнил, что императорский двор, вероятно, выделил ему средства на вступление в должность, ведь они ни за что не отправили бы его без медяка. Бухгалтерии у них пока не было, поэтому списком имен, а также книгами, в том числе и денежными, пока занимался Линь Юньци. Как только он вышел из кареты, появились люди, несущие ящики; поскольку в Е не было банка, где можно было бы обменять купюры на наличные, то внутри ящика, должно быть, было серебро.

— Назови мне общую сумму наших средств, — ответил Дуань Лин. — И позволь взглянуть на список личного состава.

Всего их свита насчитывала тридцать семь человек, и меньшую половину из них составляли Линь Юньци, его семья и слуги. В свою очередь, на долю старых армейских друзей Ван Чжэна, занимавшихся мелкой работой и выполнявших обязанности судебных исполнителей при помощнике губернатора, приходилось больше половины всего состава, в результате чего оставались Янь Ди, Сунь Тин и У Ду. Дуань Лин догадывался, что Линь Юньци, скорее всего, получил от Му Куанды указание, что, отправившись в Е, он уже не вернется, поэтому и решил перевезти всю семью.

Ван Чжэн же последовал за Дуань Лином в Е, чтобы построить карьеру. Возможно, в будущем ему удастся удержать Ван Чжэна рядом с собой.

Ему придется искать разный подход к людям. Когда приедет Ши Ци, у него появится счетовод, и всего получится тридцать восемь человек. К его удивлению, Му Куанда, похоже, не слишком задумывался о том, кого он назначит ответственным за деньги. Возможно, это было связано с тем, что большинство чиновников, отправленных из столицы, так или иначе присвоят часть средств, поэтому он не считал нужным слишком тщательно следить за ними.

Взяв с собой такую огромную свиту в совершенно незнакомое место, Дуань Лин вдруг ощутил чувство ответственности — он не мог позволить им жить в нищете, не мог допустить, чтобы они заболели, и самое главное — не мог допустить, чтобы они умерли... Раньше он всегда излагал речи о своей родине и подобных великих идеях, но что бы он ни говорил, когда людей становится много, они неизбежно превращаются в статистику, а тридцать семь человек прямо перед ним были в буквальном смысле тяжелой ответственностью, от которой он не мог отмахнуться.

Закончив читать список, он приготовился ко сну, надеясь, что в их путешествии все пройдет гладко.

— Снаружи что-то происходит? — Дуань Лин заметил, что У Ду снова вышел проверить окрестности.

— Ложись спать, — ответил У Ду. — Там все спокойно.

Они легли за ширму, на постоялом дворе погасли фонари, и в комнату пролился лунный свет. Сейчас были необычные времена, поэтому условия их ночлега в пути были довольно скверными. Правда, чем дальше на север, тем хуже: в некоторых местах даже не будет отдельных комнат, и всем придется ночевать в главном зале, и есть, и спать вместе.

Дуань Лин положил голову на руку У Ду и прислонился к его груди; их обоих укрывало лишь тонкое одеяло. В ночи все стихло, У Ду взял Дуань Лина за руку и, зная, что тот еще не спит, легонько поцеловал его в губы.

Он наклонился к уху Дуань Лина, и тот поднял голову, думая, что он собирается сказать что-то приятное. Но он и предположить не мог, что У Ду очень тихо прошепчет ему на ухо:

— Завтра твой господин доведет тебя до изнеможения.

Дуань Лин ошеломленно затих.

У Ду посмеялся и, повернувшись на бок, крепко обвил его руками. Дуань Лин чувствовал, как их члены прижимаются друг к другу сквозь слой тонких штанов, и они еще некоторое время целовались, однако если бы они продолжили, то завтра у них совсем не осталось сил, поэтому им пришлось уснуть.

В пяти ли отсюда на обочине дороги беспорядочно валялось около дюжины тел в черных одеждах.

Человек в черном нагнулся, вытирая меч об один из трупов, и снял с каждого из мертвых жетоны — это были личные медные жетоны Теневой стражи. Затем он собрал все оружие, выкинув его в реку, перетащил тела на фермерское поле у дороги, сложил их в кучу и добавил дров. После этого он отошел и, не обращая внимания на их присутствие, стал поглощать сухой паек.

Покончив с едой, убийца вытер одежду, чтобы убрать крошки, и свистнул птицам, летающим под лунным светом в поисках пищи. Он лег прямо на то место, где стоял, и уснул, а когда небо начало светлеть, он воспламенил груды тел и сжег их.

В это время года начинался летний сбор урожая, а затем и летняя посадка, и по обе стороны дороги было полно хозяйств, сжигающих кучи соломы; прохожие не обратят внимания на густой дым. Убийца закончил сжигать тела и, перекинув через спину сверток, продолжил свой путь на север.

В Цзянчжоу стояла летняя ночь.

После череды сильных ливней сезон дождей утих, возвещая о наступлении долгожданной середины лета. Наводнение довело и правителя Великой Чэнь, и его подданных до крайнего истощения — слишком много людей необходимо было снабжать продовольствием. Как только станет жарко, земля за городом будет усеяна трупами свиней, лошадей, коров, собак... и даже людей, мертвая рыба, выброшенная разлившейся рекой, сядет на мель у берега, а та, что не была вовремя прибрана, начнет смердеть, как только потеплеет.

А значит, мор наверняка начнет распространяться снова. Все жители города были заняты уборкой тел утонувших во время наводнения, а Черные доспехи изо дня в день метались по всему городу. Отовсюду, из каждой зоны бедствия, в Цзянчжоу постоянно прибывали прошения о помощи, которые проходили сортировку и проверку в канцелярии, после чего их доставляли во дворец, где они передавались Ли Яньцю и ожидали официального ответа императора.

Телохранители, служащие при Ли Яньцю, также были заменены на четыре дежурные смены Черных доспехов, которые по очереди охраняли императора. Каждый час во дворец поступали доклады от солдат. Поздно вечером евнух сообщил, что к нему пришел Се Ю.

Ли Яньцю отдал приказ впустить его, и Се Ю, переодевшись в повседневную одежду, зашел в императорский кабинет. Он не произносил ни звука, как и Ли Яньцю: правитель и его подданный оба молчали, и единственным шорохом в комнате было перелистывание страниц меморандума.

Прошло немало времени, прежде чем Ли Яньцю отложил работу в своих руках на стол и поднял взгляд от стопки документов.

— Что делает наследный принц? — спросил Ли Яньцю.

— Изучает меморандумы. В последнее время он почему-то очень усердно занимается военными делами.

Телохранитель из Черных доспехов принес стопку исписанных документов из Восточного дворца. За последние несколько дней Цай Янь по собственной воле занялся повседневной государственной бумажной волокитой, а Ли Яньцю взял на себя комментирование меморандумов, связанных с наводнением. Канцелярия уже проверила их, но Ли Яньцю все равно время от времени просматривал тексты, которые Цай Янь уже успел изучить.

Ли Яньцю открыл один из них, и его взгляд упал на самую последнюю строчку комментариев.

— Я помню, что, когда наследный принц только вернулся ко двору, он написал несколько писем, — сказал Ли Яньцю. — Одно из них — надгробная речь покойному императору, которую он передал в Императорский храм предков. Се Ю, принеси ее мне, чтобы я мог взглянуть.

Се Ю глубокомысленно нахмурил брови, но, не задавая лишних вопросов, приказал одному из своих подчиненных принести ее. Вскоре охранник передал Се Ю рулон желтого шелка, и тот обеими руками протянул его Ли Яньцю.

Ли Яньцю развернул желтый шелк и, придерживая один край нефритовой дугой, лежащей на столе, внимательно изучил каждую строчку, пока наконец не уперся в иероглиф «Ли» в надписи «империя семьи Ли».

Восточный дворец был освещен так же ярко, как днем. Сонный Цай Янь в полудреме уперся лбом в руку, едва не упав прямо на меморандум.

— Ваше Высочество? — произнес Фэн До.

— Который час?

— Уже полночь. Ваше Высочество, почему бы вам не поспать? Вам скоро придется готовиться к утреннему собранию*.

* В дворцовых драмах придворные обычно собираются на рассвете, но во времена династии Мин чиновники начинали выстраиваться в очередь к трем часам утра, чтобы попасть во дворец.

— Я не смогу долго спать. Улохоу Му.

При упоминании своего имени Лан Цзюнься поклонился ему со своего места неподалеку.

— Иди, принеси мне мою нефритовую дугу. Скоро начнется собрание.

Лан Цзюнься встал и ушел. В комнате на некоторое время воцарилась тишина. Фэн До взял горячее полотенце и вытер им руки Цай Яня.

— Как обстоят дела? — прошептал Цай Янь.

— Уже отправили три отряда. Сорок восемь человек во главе с Бэйли, Линху и Нангуном. По моим подсчетам, они придут в Е через месяц и будут скрываться под Охровой горой.

Теневая стража была создана императором-основателем, и каждая ее итерация состояла ровно из ста человек. Каждый из этих ста человек брал себе имя из книги ста фамилий и использовал его в качестве позывного. Неважно, как их звали до вступления в Теневую стражу, но после вступления это имя исчезало, и, как правило, вместо него они брали фамилию.

Сорок восемь человек, все они лежали в засаде и могли в любой момент передать информацию. Цай Янь почувствовал себя гораздо спокойнее, как только это услышал, поэтому тоже оживился и начал усердно работать над остальными меморандумами. Вскоре вернулся Лан Цзюнься с нефритовой дугой, и они прекратили разговор, делая вид, что так и должно быть.

Лан Цзюнься бросил взгляд на Цай Яня и ничего не произнес.

Летняя дорога, укрытая густой зеленью, тянулась вдаль. Прошел уже почти месяц с тех пор, как Дуань Лин покинул Цзянчжоу, и чем дальше они двигались на север, тем приятнее становился климат. Постепенно он запомнил лица тех, кто следовал за ним на север, а также их имена.

На глазах у всех У Ду всегда сохранял вид верного телохранителя, вел себя даже строже, чем в поместье канцлера, и никогда не переступал черту в общении с Дуань Лином. Иногда, чтобы следить за обозом, он часто путешествовал на лошади и заходил в карету только для того, чтобы присмотреть за Дуань Лином, пока тот дремал.

Поскольку У Ду занял пост коменданта Хэцзяня, все называли его «генералом», а Дуань Лина, как губернатора Хэбэя, — господином Ваном. Они не часто разговаривали при всех, а если и разговаривали, то лишь для того, чтобы доложить Дуань Лину о безопасности в пути.

Когда они останавливались на отдых, дети с близлежащих деревень тоже иногда обнаруживали их караван и собирались вокруг; тогда господин губернатор выходил из повозки, чтобы обучать детей, как сбивать из рогатки зеленые сливы, растущие на обочине дороги, и никогда не промахивался, а плоды делил между детьми. У Ду тем временем усаживался, скрестив ноги, на камень и рассказывал истории о войне и славе покойного императора. Иногда истории были удивительно яркими — он описывал, как покойный император ночью подстрелил тигра и убил его, а с рассветом обнаружил, что тигр — всего лишь камень, а иногда рассказывал, как покойный император вел свою армию по пустыне и сказал солдатам, что впереди сливовый лес, чтобы их больше не мучила жажда.

Слушая все это, Дуань Лин не знал, плакать ему или смеяться: за весь путь до Е он успел услышать много такого, что явно не было связано с его отцом, но теперь почему-то имело к нему самое непосредственное отношение. Он и не подозревал, что притчи «утолить жажду, думая о сливах» и «охота летучего генерала на тигра», могут быть рассказаны заново, с новыми героями**.

* 1 идиома из главы «Жизнеописание военачальника Ли» Исторических записок Сыма Цяня.

Как-то военачальник Ли Гуан, выехав на охоту, заметил в траве камень и, приняв его за тигра, выстрелил в него. Стрела попала в цель, причем весь ее наконечник вошел в камень. Посмотрев, он убедился, что перед ним камень, и опять стал стрелять, но уже ни одна стрела в него не вошла.

* История идиомы «утолять жажду, глядя на сливы»: одним летом, когда Цао Цао вел затяжную войну, выдался очень жаркий день. Солдаты изнывали от жары и жажды. Цао Цао, увидев все это, заволновался, что может не преуспеть в битве. И тогда у него возникла идея. Он погнал свою лошадь вперед и, поравнявшись с головой колонны, сказал, указывая вперед: «Там большой сливовый сад. Сливы сочные, просто восхитительные и хорошо утоляют жажду». Услышав об этом, солдаты обрадовались, стали сильны духом, они словно уже отведали тех слив и были бодры. Цао Цао воспользовался этим и приказал армии быстро атаковать врага. Люди двинулись на неприятеля, полные сил.

Сидя на другом камне, Дуань Лин пил сливовый чай, чтобы справиться с жарой, и был одет в одежду ученого.

Хотя ему было всего шестнадцать лет, и он казался совсем юным, в его повадках и манерах уже чувствовался слабый намек на величие.

Всякий раз, когда это происходило, он пристально смотрел на У Ду с дороги. После того как тот заканчивал рассказывать истории, он вставал и отсылал детей, а затем подходил к нему, высокий и красивый в лучах солнца, и протягивал руку, чтобы жестом пригласить его сесть в карету. Как только Дуань Лин оказывался внутри, У Ду впивался в его губы поцелуем, а затем разворачивался и садился на Бэнь Сяо, отправляясь в дозор.

Иногда, когда они останавливались на ночлег в какой-нибудь деревне или городе, и у Дуань Лина была своя комната, У Ду приходил к нему посреди ночи подобно порыву ветра; он закрывал за собой дверь и обнимал его, не говоря ни слова, принимал к нему на кровати, и они сливались в поцелуе, шепча слова любви и тоски, но оба были так жадны до того малого времени, что у них было, что не желали тратить его на слова. У Ду предпочитал целовать и обнимать Дуань Лина, занимаясь с ним страстной любовью, а потом позволял ему уснуть, прижавшись к его телу.

Когда шел дождь и им не нужно было продолжать путь, У Ду тоже оставался в комнате, сосредоточенно изучая книгу рецептов, которую ему дал Чжэн Янь, и составляя компанию Дуань Лину.

Так, с перерывами, обоз пропутешествовал целый месяц. К тому времени пейзажи на пути уже наполнились запустением, наступила осень, и, когда они наконец достигли границы Хэбэя, лето закончилось.

Миновав пограничный вал, они оказались в Хэбэе. Сегодня на них обрушился ливень, и они оказались в глуши, где не было ни деревни, ни постоянного двора, в которых можно было бы остановиться. Одно из колес повозки застряло в грязи, и Дуань Лин спустился с нее под

дождем, чтобы помочь толкать ее.

— Что ты делаешь? — У Ду только что разведаль обстановку, а теперь поспешил под дождем обратно. Он крикнул:

— Залезай в повозку!

— Колесо застряло! — громко ответил ему Дуань Лин.

Дождь лил как из ведра. У Ду затолкал Дуань Лина обратно в карету, чтобы тот не простудился под дождем, а затем, ухватившись рукой за вал повозки, с криком потянул ее к себе. Вся карета, весом около тысячи кэйти, выскочила из грязи.

— Не делай этого! — недовольно пробурчал Дуань Лин, — Ты повредишь сухожилия!

У Ду положил левую руку на правое плечо и согнул ее.

— Все в порядке! Не выходи из кареты!

Вспышка молнии прорезала темное небо над головой; похоже, их каравану придется заночевать в горах. Но из-за сильного дождя они не могли спать без укрытия. Пока У Ду осматривал обоз, он насквозь промок под дождем.

— Давайте продолжим путь! — сказал Линь Юньци. — Мы найдем горный ручей! Да и пещеру тоже!

— Нет, мы не можем! — произнес Янь Ди. — Это слишком опасно — нельзя вести армию в горы! Мы должны сойти с горной тропы!

Янь Ди изрядно выпил, но, протрезвев под дождем, начал настаивать на том, что продолжать путь нельзя. У Ду послушался его совета и попросил всех двигаться к близлежащему лесу.

Вскоре после того, как они спустились с горы, желтая грязь, скопившаяся на холме неподалеку, обвалилась, и грязевая вода, смешанная с камнями, обрушилась вниз оползнем, погребая дорогу под собой.

Было близко, подумал Дуань Лин. Если бы они настояли на продолжении пути, то могли бы потерять много своих вещей.